

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ФОРМА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ж.Р. Насруллаев ¹

Аннотация:

В статье проводится комплексный анализ юридического дискурса как особого типа институциональной коммуникации, обладающего системными, когнитивными и прагматическими особенностями. Рассматривается соотношение языка и права, коммуникативные стратегии правового общения, этикетные нормы и культурно-семиотическая специфика юридического языка. Обосновывается положение о том, что юридический дискурс является не только формой фиксации норм, но и механизмом их речевого порождения — актом социального действия, создающим правовую реальность.

Ключевые слова: юридический дискурс, институциональная коммуникация, прагматика, речевой акт, правовая культура, перформативность, правовой язык, семиотика права.

Язык права традиционно рассматривается как функциональный инструмент фиксации нормативных предписаний. Однако в современной лингвистике наблюдается смещение акцента с формального описания на анализ дискурсивной природы права — его коммуникативной и когнитивной сущности. Право не просто выражается посредством языка: оно существует через язык, реализуя себя в речевых актах законодателя, судьи, адвоката, прокурора, свидетеля.

Юридический дискурс представляет собой институциональный тип коммуникации, в котором формируются, утверждаются и интерпретируются социальные нормы. Как отмечает В.И. Карасик, институциональный дискурс — это «общение в рамках заданных ролевых и статусных отношений» [1, с. 42]. В юридической сфере эти отношения выражаются через ритуализованные формы обращения, фиксированные жанры (закон, договор, приговор, заключение) и специфическую лексику.

Юридический дискурс принадлежит к числу наиболее формализованных видов коммуникации. Он характеризуется высокой степенью жанровой предсказуемости, лексической точности и социальной ответственности за смысловое наполнение высказываний.

Участники юридического дискурса выступают не как личности, а как носители институциональных ролей: судья, прокурор, адвокат, обвиняемый, свидетель. Каждая роль предполагает определённый репертуар речевых актов: судья — задаёт вопросы, формулирует решения; адвокат — аргументирует и убеждает; свидетель — сообщает факты. Такое распределение ролей формирует иерархическую модель коммуникации, где лингвистическая форма высказывания напрямую зависит от статуса говорящего. Это проявляется, например, в употреблении особых этикетных формул: *Ваша честь, Уважаемый суд, Hurmatli raislik etuvchi, hurmatli sud qatnashchilari*, которые поддерживают вертикаль власти и выражают социальное уважение.

¹ Насруллаев Жавохирхон Равшанхонович, Самаркандский государственный институт иностранных языков, Узбекистан

Юридический дискурс характеризуется высокой клишированностью и терминологической насыщенностью. Например, конструкции типа в соответствии с пунктом..., на основании статьи..., подлежит наказанию... являются маркерами правового стиля и придают тексту нормативность. Эта стандартизация служит не только для точности, но и для социальной легитимации: юридический текст должен звучать «официально» и «авторитетно».

Современная лингвистика трактует юридический язык как систему речевых актов, создающих правовую реальность. В этом плане идеи Дж. Остина и Дж. Серля особенно актуальны: по Остину, существуют «перформативы» — высказывания, которые не описывают, а совершают действие [3]. Когда судья произносит «Суд приговорил...», совершается не описание события, а акт назначения наказания — юридическая реальность создаётся самим высказыванием. Подобным образом законодатели, подписывая закон, совершают акт нормотворчества, который имеет перформативную природу. Юридический язык таким образом соединяет логическую строгость и прагматическую силу. Каждое слово в нём потенциально является действием: обязует, подлежит, признаётся недействительным, засвидетельствовано.

В юридическом общении наблюдается особое взаимодействие стратегий вежливости и власти. Как указывают П. Браун и С. Левинсон [5], вежливость регулирует баланс «лица» между участниками общения. Однако в юридическом контексте баланс нарушается: статус судьи и прокурора выше статуса подсудимого, а потому допустимы формы категорического предписания. Тем не менее, даже в судах сохраняется ритуальная вежливость — обязательные формы обращения, благодарности, разрешения:

«Прошу разрешения задать вопрос свидетелю»,

«С Вашего позволения, Ваша честь».

Эти формулы не влияют на содержание, но обеспечивают прагматическое равновесие и соблюдение профессиональной этики. Юридический язык — не нейтральный код, а знаковая система культуры, через которую проявляются ценности и мировоззрение общества.

В англосаксонской традиции (common law) юридическая культура ориентирована на индивидуальные права и прецеденты. Здесь доминируют термины, указывающие на субъектность (individual responsibility, personal freedom, fairness). В континентальной (в том числе русской и узбекской) традиции центральным является принцип государственной законности и коллективной ответственности. Это отражается в языке через лексику с коннотациями порядка, подчинения, единства: обязанность, подлежит, коллектив, государство.

Юридические тексты и речи обладают высокой степенью символизации. Сам процесс суда — это речевой ритуал, где последовательность действий (заседание, оглашение, приговор) строго фиксирована и воспроизводима. Речь судьи при оглашении приговора имеет ритуально-заключительный характер, аналогичный религиозному отпущению грехов или обряду признания.

Письменная фиксация закона придаёт ему онтологическую стабильность. Как отмечает И.Е. Ключанов, письменность в праве выполняет «функцию вечного присутствия смысла» [8, с. 112]. Закон существует постольку, поскольку он зафиксирован, цитируем и многократно повторяем в языке.

Английская правовая культура базируется на принципе прецедента и «праве судьи». Отсюда — гибкость и многозначность юридического языка. Например, термин equity сочетает значения «равенство» и «справедливость»; а consideration в контрактном праве означает «возмездность сделки» — уникальное понятие без полного эквивалента в других языках. В английском юридическом дискурсе важна

риторическая сдержанность и формальная вежливость: обращения *Your Honour, Learned Counsel, The Court finds that...* не только этикетны, но и ритуальны — они выражают уважение к правовой процедуре.

Русский юридический язык тяготеет к бюрократической стандартизации и синтаксической тяжеловесности. Для него характерны сложноподчинённые конструкции, отглагольные существительные и отсылочные элементы (в соответствии с пунктом 3 статьи 15 закона...). Такой стиль поддерживает авторитетность власти, но затрудняет восприятие.

Узбекский юридический язык формируется в двуязычной правовой реальности — на стыке тюркской и советской терминологических традиций. Эти формулы подчеркивают культурную установку на уважение и коллективное согласие.

Функции юридического дискурса

1. Нормативная — выражение и закрепление правовых норм.
2. Перформативная — создание юридических фактов посредством высказывания.
3. Коммуникативная — регулирование отношений между участниками.
4. Идеологическая — воспроизводство культурных ценностей власти.
5. Когнитивная — формирование правового сознания общества.

Заключение

Юридический дискурс — это не просто инструмент юриспруденции, а механизм речевого конструирования социальной реальности. Он соединяет в себе черты языка, ритуала и власти. Через юридические тексты общество выражает свои ценности, нормы и представления о справедливости.

Лингвопрагматический и культурно-семиотический анализ показывает, что в каждой правовой культуре юридический дискурс формирует особую «правовую картину мира»:

- в англоязычной — через индивидуализм и рационализм;
- в русскоязычной — через нормативизм и авторитет государства;
- в узбекоязычной — через коллективизм и гармонию общения.

Понимание этих различий способствует более точному юридическому переводу, повышает эффективность межкультурных коммуникаций и формирует гуманистическую правовую культуру XXI века.

Список литературы

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
2. Матвеева Т. В. Юридический язык: прагматика и стиль. — М.: Юридическая литература, 2018. — 284 с.
3. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов. — СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. — 248 с.
4. Серль Дж. Речевые акты: философия языка. — М.: Прогресс, 1986. — 203 с.
5. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — 345 p.
6. Mirzaev B. Til va huquq: nutq madaniyati masalalari. — Toshkent: Fan, 2015. — 198 b.
7. Tiersma P. M. Legal Language. — Chicago: University of Chicago Press, 1999. — 320 p.

International Conference

INNOVATIONS IN LANGUAGE TEACHING, LEARNING AND ASSESSMENT

8. Ключанов И. Е. Коммуникативная вселенная. — Лэнхэм: Rowman & Littlefield, 2010. — 335 с.
9. Гиббонс Дж. Язык и право. — Лондон: Longman, 2003. — 264 р.
10. Рождественская Л. М. Семиотика права. — М.: Инфра-М, 2020. — 218 с.